

Рецензии

УДК 1(091)

**ПРОБЛЕМАТИКА ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И
ГУМАНИТАРИСТИКЕ 1920–1930-Х ГОДОВ.
КОЛЕСНИЧЕНКО Ю.В. ЛИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
1920–1930-Х ГОДОВ: БИОГРАФИЯ ИДЕИ. М.:
ЭНЦИКЛОПЕДИСТ-МАКСИМУМ, 2018. 416 С.**

С.Н. Корсаков*, С.Н. Еланская**

*ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва

**ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рецензия на монографию Ю.В. Колесниченко. Автор монографии представляет многообразие трактовок личности в русской философии первой трети XX в. Проанализированы трактовки бытия личности в различных философских направлениях: религиозная философия и «новое религиозное сознание», персонализм, феноменология, интуитивизм, марксизм. Показан вклад, который внесли в философское понимание личности разработки в сфере психологии, педагогики, искусствознания, литературоведения. Особенностью интерпретации личности автором является онтологический подход. Автор стремится раскрыть противоречивость эпохи разлома 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: *русская философия, светская философия, личность, личностное бытие.*

Книга Ю.В. Колесниченко представляет собой опыт реконструкции предыстории формирования в нашей стране такой философской дисциплины, как философская антропология. В таком аспекте и с такой степенью полноты данная проблема ещё не изучалась в научно-философской литературе. Поэтому несомненно, что эта книга имеет не рядовое значение и будет событием на пути саморефлексии российского философского сообщества.

Если обратиться к истории становления философской антропологии в нашей стране, то ретроспективно можно выделить следующие стадии:

1990-е гг. – институционализация дисциплины,

1980-е гг. – бум интереса к философско-антропологической проблематике,

1970-е гг. – первые монографии по проблеме человека,

1960-е гг. – первые статьи и сборники по данной тематике,

вторая половина 1950-х гг. – появление интереса к проблеме человека, вызванное в период оттепели как «пиком» внимания к раннему, гуманистическому Марксу, так и нарастанием влияния западных философских течений: философской антропологии, экзистенциализма, персонализма.

Неисследованным до сих пор оставался вопрос о том, существовали ли к середине 1950-х гг. внутренние теоретические предпосылки появления философско-антропологических исследований и если да, то сколько времени и в каких формах они уже латентно существовали.

Помимо общей негативной ситуации с изучением советской философии 1920–1950-х гг., решение указанной проблемы осложнялось также некоторыми особенностями самого объекта исследования. Советская академическая философия 1920–1930-х гг., да и в последующие годы не выделяла проблематику человека и личности как особую, самостоятельную проблематику, тем более как дисциплину. Предметная номенклатура советской философии данного периода хорошо видна, например, в замечательном библиографическом указателе за 1917–1927 гг., созданном Яковом Самойловичем Розановым. Интенсивно изучались, например, теория диалектики, история философии, философия естествознания, философия права, философские проблемы психологии. Но философско-антропологическая проблематика в тематической номенклатуре отсутствовала.

Даная ситуация вовсе не была характерной для советской философии как таковой. Это было отражением общей ситуации в мировой философии. Философская антропология Шелера, Плеснера и Гелена только зарождалась. Экзистенциализм и персонализм ещё не возникли. Если посмотреть тематику Всемирных философских конгрессов в Оксфорде (1930), Праге (1934), Париже (1937), выяснится, что в программе конгрессов отсутствует секция по философской антропологии.

Вместе с тем бурный расцвет данной проблематики с середины 1950-х гг. может быть объясним, только если учесть фактор предварительно проделанной интеллектуальной работы. Ю.В. Колесниченко поставила перед собой невероятно трудную задачу: выявить вызревание философской проблематики изучения личности в самых разных учениях периода 1920–1930-х гг. Совершенно правильно были выбраны объектные рамки исследования: особое внимание было обращено на те учения, которые в своё время носили маргинальный характер либо же находились на стыках между философией и другими дисциплинами – психологией, педологией, психотехникой, культурологией, теорией языка. В результате автору удалось показать, как проблематика человека, проблематика личности, буквально, прорастала на всех передовых участках философско-гуманитарного знания, как складывалась научная атмосфера, в которой эта проблематика была «разлита», становилась приемлемой, получала права гражданства. В этом смысле ситуация оттепели середины 1950-х гг. лишь позволила сфокусировать и проявить теоретический интерес к человеку и личности.

Успешному решению поставленных задач способствовал правильный выбор автором методологического инструментария. Прежде всего, нужно отметить метод социо-гуманитарной реконструкции. Он позволил определить место многочисленных учений, проанализированных автором монографии, в общем процессе развития отечественной философии. Главная опасность, которую благодаря применению этого метода избежала Ю.В. Колесниченко – это модернизация воззрений мыслителей прошлого, навязывание им сегодняшних представлений. Это говорит о высоком научном уровне работы с первоисточниками. Ещё один метод, применение которого автором важно отметить – портретирование. Нужно только приветствовать подобный шаг, столь редкий в наших историко-философских работах. Благодаря применению этого метода Ю.В. Колесниченко смогла детально показать, как и почему мыслитель прихо-

дил к тем или иным выводам, объяснить своеобразие концепций каждого, те различия, которые вкладывались ими в трактовку понятия личности.

Особо следует остановиться на избранном автором теоретическом аспекте рассмотрения проблемы личности в философии. Он рассматривает проблему бытия личности. Всем, кто обращался к проблематике философской антропологии, хорошо известно, что рано или поздно в ходе исследования возникает проблема онтологического обоснования личности и индивидуальности. Классическая философия игнорировала эту проблему, сводя личность только к субъектному существованию. Но философия XX в. уже не могла удовлетвориться таким решением проблемы. Возрастание роли человека на планете ясно свидетельствовало о его онтологической значимости. Отсюда появились учения, которые не только придавали личности онтологический статус, но подчас даже выводили из личности онтологию всей прочей реальности. Подобные преувеличения свидетельствуют только о том, что назрела новая ситуация в понимании личности и она находит своё отражение в такой дисциплине, как философская антропология.

Неклассическая философия нашла средства, с помощью которых личность была вписана в бытие. Ю.В. Колесниченко исключительно точно отделила эти средства. В целом ряде проанализированных ею концепций делался акцент на волевом характере присутствия, участия личности в бытии. Своей волей личность вмешивается в бытие, своим усилием она утверждает такую реальность, которой до неё не существовало.

Ю.В. Колесниченко не могла не попытаться решить проблему, неизбежно возникавшую при избранных ею хронологических рамках исследования: имела ли место преемственность в развитии философии в России и СССР, несмотря на происходившие перерывы постепенности в развитии. Для решения этой задачи Ю.В. Колесниченко прибегла к использованию понятия трансгрессии. Данное решение имеет своё положительное значение, о чём прямо сказано в диссертации. Оно позволяет уйти от совершенно ненаучного тезиса С.С. Хоружего о прекращении существования философии в СССР после высылки религиозных философов в 1922 г. Конечно, не следовало приписывать этому тезису какую-то всепобеждающую убедительность, но популярностью он пользовался. Между тем очевидно, что после всякого перерыва постепенности (1917, 1922, 1930, 1937 г.г.) философия продолжала развиваться. С помощью понятия трансгрессии Ю.В. Колесниченко закрепляет этот вывод.

Но, как нам представляется, на этом объяснительные возможности данного понятия заканчиваются. Термин «трансгрессия» взят из постмодернистской философии и представляет собой, по существу, метафору. Поэтому автору не удалось содержательно обосновать тезис о преемственности и непрерывности развития русской философии от религиозной философии соловьёвской школы до советского марксизма-ленинизма. Это станет понятным, если мы уточним, о какой религии, каком религиозном направлении, собственно, идёт речь. Все мыслители, взгляды которых подвергнуты анализу в первых двух главах монографии, являются последователями Вл. Соловьёва, идеологами «нового религиозного сознания», иначе говоря модернистской ереси в православии.

Почему это существенно для темы рецензируемой работы? Все изученные в монографии авторы говорят о личности ровно в той мере и в том ас-

пекте, в каком они принадлежат к этому изначально еретическому направлению в православии. Без прояснения этого вопроса нельзя говорить о религиозных воззрениях данных философов. Русская православная церковь долгое время враждебно относилась к идеям Соловьёва, Булгакова и пр. В 1930-е гг. Московский патриархат осудил учение софиологов как еретическое. В наше время, конечно, оно негласно взято на вооружение церковью. Но по существу в теоретическом плане ситуация не изменилась: в той мере, в которой рассмотренные автором мыслители начинают трактовать личность, они выходят за рамки православной традиции.

Соответственно вопрос с преемственностью и «трансгрессией» оказывается неясным вдвойне. Во всяком случае осуществить «преемственность» в развитии философии между православной мыслью и советским марксизмом-ленинизмом софиологи не только не в состоянии, но и не вправе. Да и марксисты в этом не нуждаются. Понятие трансгрессии стало бы излишним, если бы автор обосновывал другой тезис: о преемственности между русской «научной» философией конца XIX – начала XX в. и советской философией. К сожалению, сама постановка такого вопроса у автора не возникает. Нужно было взять другой исходный пункт. Мешает крепко усвоенный «соловьёво-центризм»: актуальная русская философия якобы начинается с Соловьёва. Но при таком исходном пункте, принятом за единственно возможный, никакая преемственность не выстраивается. Отсюда обращение к метафоре трансгрессии, чтобы как-то закрыть образовавшийся разрыв.

Между тем линию преемственности следовало бы вести иную: от русской «научной» философии к советскому марксизму. Например, богатый материал по философским проблемам изучения психологии человека содержится в трудах М.М. Троицкого, В.Н. Ивановского. Надо отметить, что в книге рассмотрены воззрения приверженцев «научной философии» Г.Г. Шпета и Г.И. Челпанова, а также М.М. Рубинштейна, С.И. Гессена. Но обещание «привлечь материалы малоизвестных русских философов исследуемого периода» выполнить не удалось. Кстати, утверждение, что идеи А.А. Мейера впервые введены автором в современный научный историко-философский дискурс, является явным преувеличением.

Было бы полезно, помимо названных выше «научных» русских философов, обратиться, например, к фигуре Н.Д. Виноградова, который был одним из представителей синтетическо-антропологического течения, стремившихся к установлению законов педагогического процесса, истоком которых служит человекознание. Виноградов считал, что антропология в обширном смысле, т.е. все науки о человеке, должна служить для педагогики основанием: о душе, о теле, о назначении человека. «Общее мировоззрение» у Виноградова предстает прежде всего как источник знания о целях развития личности.

Если бы автор избрал этот путь исследования, не пришлось бы прибегать к столь неординарным постмодернистским средствам вроде «трансгрессии». Поскольку обосновать преемственность в этом случае не составило бы никакого труда: В.Н. Ивановский, Н.Д. Виноградов, как и целый ряд «научных» русских философов, сформировавшихся до революции, продолжали работать в советских философских учреждениях. Практически всех их не затронули даже репрессии 1930-х гг.

Интересной является попытка автора высветить изменения в понимании личности в 1920-е гг. через эстетические и антропологические установки авангарда. Речь идёт о растворении личности в коллективе через её возвышение до коллективной личности. В этой связи автор цитирует П.А. Флоренского, писавшего о «выворачивании тела через самое себя», когда, стянувшись к точке своего качества до нуля, личность приобретает противоположные коллективистские характеристики. По существу, речь идёт о трансформации, *обратной* той, которая имела место при переходе от всеохватного ренессансного антропоцентризма к новоевропейскому индивиду, зависшему, по словам Паскаля, между двух бесконечностей.

Вместе с тем необходимо отметить некоторые недостатки работы.

Первый и самый существенный недостаток, который, однако, никак не может быть вменён самому автору. Книга отражает тот уровень исследований, который задан нынешними лидерами изучения истории русской философии. Согласно известной «интегральной» концепции русской философии отрицается само существование академической философии в СССР в 1920–1950-е гг. Сей предмет не подлежит изучению. Поэтому и автор утверждает, будто бы философское сообщество 1920–1930-х гг. не являлось собственно философским. Мы уже отмечали, почему этот недостаток не снижает качества выводов: потому что академическое философское сообщество в СССР в те годы проходило мимо философско-антропологической проблематики. Поэтому Ю.В. Колесниченко вправе привлекать для анализа фигуры либо вовсе находившиеся вне философии, либо бывшие на периферии тогдашнего философского сообщества. Но это не избавляет от необходимости понимать простое обстоятельство: изучать, скажем, Андрея Белого, М. Бахтина или Л. Выготского и считать при этом, что ты изучаешь философию 1920–1930-х гг. в СССР, это всё равно, что собирать подберёзовики в березняке и не видеть деревьев, под которыми эти грибы растут. Советская философия 1920–1930-х гг. – это прежде всего Деборин, Луппол, Л. Аксельрод, Баммель, Карев, Стэн и другие подобные им лидеры и активные участники философской жизни.

Второй недостаток вытекает из первого. Несмотря на то, что собственно философы 1920-х гг. не занимались антропологической проблематикой, в рамках деборинской философской школы существовала целая ветвь, занимавшаяся философскими проблемами психологии, а тем самым и вопросами личности. Речь идёт о таких авторах, как М.Л. Ширвиндт, Б.А. Фингер, Ю.В. Франкфурт, И.Ф. Куразов, И.Д. Сапир. Достаточно взглянуть на этот перечень, чтобы стало ясно, что историки русской философии не подозревают об их существовании, не говоря уже об обращении к их работам. Но без анализа этих работ нельзя считать тему личности в философии 1920–1930-х гг. в достаточной мере изученной.

Третий недостаток вытекает из предыдущих. Автором не привлечены важные источники, без анализа которых исследование темы не может рассматриваться как в достаточной степени полное. В частности, не привлечено единственное продолжающееся издание второй половины 1920-х гг., специально посвящённое проблеме личности: «Вопросы изучения и воспитания личности». В выпусках «Вопросов...» неоднократно печатался И.Ф. Куразов. Не привлечена статья «Личность», написания в 1931 г. для «Большой меди-

цинской энциклопедии» И.Д. Сапиром. То же следует сказать о трёхтомной «Педагогической энциклопедии», вышедшей в 1927–1929 гг.

Всякое серьёзное исследование возвращает нас к вопросу о выборе путей и методов изучения историко-философских проблем, тем более таких, дискуссионность которых резко превышает степень их изученности в литературе вопроса.

В целом же проведённое автором исследование решает научную проблему теоретической реконструкции эволюции проблемы бытия личности в русской философии 1920–1930-х гг. Отдельно хотелось бы отметить большой труд, затраченный автором, добросовестный и тщательный анализ первоисточников, стремление всесторонне изучить избранную тему.

THE PROBLEM OF IDENTITY IN PHILOSOPHY AND THE HUMANITIES OF THE 1920S-1930S

S.N. Korsakov*, S.N. Elanskaya**

*Institute of Philosophy of PAS, Moscow

**Tver State University, Tver

A Review of the monograph Yu. V. Kolesnichenko. The author of the monograph presents a variety of interpretations of the person in the Russian philosophy of the first third of the XX century. The interpretations of personality existence in various philosophical directions are analyzed: religious philosophy and «new religious consciousness», personalism, phenomenology, intuitionism, Marxism. The contribution made to the philosophical understanding of the individual, developments in the field of psychology, pedagogy, art, literary studies is shown. The author's interpretation of personality is characterized by an ontological approach. The author seeks to reveal the contradiction of the era of the fault: 1920-1930's.

Keywords: *Russian philosophy, secular philosophy, personality, personal being.*

Об авторах:

КОРСАКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, Москва. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

ЕЛАНСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: jolotschka@mail.ru

Authors information:

KORSAKOV Sergey Nikolaevich – PhD, Assoc. Prof., Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS, Moscow. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

ELANSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD, Assoc. Prof. of the Department of Sociology of Tver State University, Tver. E-mail: snkorsakov@yandex.ru